

старый муж, в тот час невидим бысть. Тогда российской матрос Василей, не зная, что делать, понеже мысляше в себе как итьтити во град, || что на нем платье доброе, во оном признатен явится, и желаше, где б л. 24 об. такое ветхое сыскать платье. И виде некотораго неимущаго старика нищего, бе на нем платье очень ветхое, все исплачено. Он же, российской матрос, у старога прося платья худое, а свое отдаше. Тогда той старик рече: „Добрый господине, не надлежит тебе старому человеку смеяться. Лутче б тебе мне сотворить милостыню“. То российской матроз, видя старога не дающа з себя платья, взяв ево и насильно повалил и снял с него худое платье, а с себя сняв, отдал ему, а худое надел на себя. А старик, подхвата ево платье, нача бежати. Також и российской матроз от него начаша бежати, чтоб за ним старой не бежал с платьем, да не признатен будет во флорендском королевстве. И прииде российской матрос в столичной королевской град, идеж король Дозберд флоренский пребывает. Егда российской матроз Василей пришел в тот град, то никто ево не познал, мняху тутошнаго жителя || нищаго, понеже он, российской матрос, вельмо твердо их флоренский л. 25 язык знал и все разговоры их, а перенял язык, как был в Цесарии, от прекрасной кралевны Ираклии флоренские. И прииде близ дворца королевскаго и не знаша, где бы себе пристанище учинить, а недалече того дворца невелика келейка, против дворцоваго ходу пригорожены сени невелички. Он же, российской матроз, нача у той келейки стучатца, и вышла к нему старушка очень стара. Он же флоренским языком нача у ней проситца, чтоб ево она к себе до времени пустила пожить. Она ж, старая старуха, многократно отрицашея, не хотяху к себе пустить. Потом, видя ево прискорбна в печали, и пусти. Он же у нея живяше с того числа месяц до прибытия адмирала флоренского из Цесарии с прекрасною кралевной, а живяше у старухи, вельми ей служаше, воду нося и дрова секи и работаше на стороне для добытия себе пищи || промыслом, чинил от своей работы довольство пищи, л. 25 об. от чего той старухе покормка неоскудная от него получалась, и вельми она ему была рада. Да при нем же была королевнина Ираклии собственная золотая арфа, на которой она в бытность в Цесарии учила играть. Егда же людей не прилучится, то он един седяше забавы чинил в ту арфу, монаветы наигрывал, а наипаче играл цесарский мановет, в которой наигрывал разлучение с нею от проклятого, шпионского адмирала. Як начнет играть, то вельми жалостно, что слезы из очей ево капляше, воспоминая прекрасною и любезною королевну. Да и то преудивительно поведать, что как играл ему, российскому матросу, то и тая старая старушка плакаше под ево игру.

По пришествии месяца прибыл адмирал из Цесарии в Флоренское королевство. И как прибыл к пристани, нача ис пушек стрелять, потом афицера || в скорости к королю во дворец послал с радостным изве- л. 26 стием, что прекрасную любезную дщерь привезе. И как оной афицер короля возвести, то король Дозберд слышав бысть радостен и приказал берлин закладывать. А скоро побеже сам король и с королевою шли прежде берлина. Уже с поспешением на дороге догнаше з берлином, в которой король сел и с королевою женою своею и приехав к пристани. И вышел адмирал встречать и кланялся королю. И рече адмирал: „Государь великий наш, король Дозберд, с государынею нашею, здравствуй с радостию, понеже дочь ваша Ираклия мною сыскана в добром здравии“. Потом вышла дочь их, прекрасная королевна Ираклия, ис корабля в черном, лицом печальна и поклонилась отцу и матери своей и ничто же глаголях, токмо въздыхая сердечно. Тогда